

Пожар

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Евгения Александрова

18+

Евгения Александрова

Пожар

«Автор»

2024

Александрова Е.

Пожар / Е. Александрова — «Автор», 2024

Пожар - стихия страшная и беспощадная. Но однажды даже на самом большом пепелище пробиваются ростки.

© Александрова Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Евгения Александрова

Пожар

Часть 1

Пожар бушевал всю ночь. Огонь сжирал на своем пути дома и клети¹, живность, что не успели вывести испуганные хозяева, налитые сады, наваливался грудью на новую добычу с жадностью голодного зверя, урчал и трещал, раскидывая искры, оставляя за собой чёрную обглоданную пустыню и безысходность.

Деревню утопило в панике и шуме: женские крики, детский плач, завывания пожарных сирен и сильные перекрикивания, неразбериха, страх.

К утру все стихло. Измученные, измазанные детишки, завёрнутые в одеяла и подручное тряпье сопели в уцелевших домах, уставшие бабы тихо скулили над выжженным хозяйством, мужики кидали землю лопатами, не в силах остановиться.

Прасковья, оставив Анютку у старшей сестры на другом конце села, задыхаясь от волнения и гари, бежала к тому, что когда-то было её домом. Добежала и села на землю. Погорело все: пятистенная изба, хлев, скотина. На месте аккуратных грядок – чёрное пепелище.

– Да-аа-а, беда.. – вздохнул, опёршись на лопату, Митрич. – А Колька-то твой где?

Прасковья вскинула глаза на соседа и мгновенно побледнела.

– Ты чего это, чего? – Испугался Митрич. – Да тут он где-то, наверное. Тушил со всеми, найдётся. Ну чего ты!

Прасковья птицей заметалась по улице:

– Коля! Колька! Вы Колю моего не видели?

Мужики растерянно озирались по сторонам, но мужа Прасковьи никто не видел, да и не до него было.

– Там скорая вон стоит ещё, ты б там спросила, мало ли чего.

Но сердце уже начало дробить мелкий перестук, останавливаясь и сжимаясь. Прасковья кинулась к стоящим машинам, не замечая текущих слёз.

Мужа не было и там.

Вернулась к дому. Пожарные устало раскидывали головёшки.

– Сергееич, у нас тут труп похоже, – крикнул молодой чумазый парнишка и осёкся, увидев Прасковью.

А Прасковья замерла. Разом, будто облили её ледяной водой и выставили на мороз. Забыла, как дышать, как смотреть. А потом закричала, страшно, протяжно, и потеряла сознание.

– Ты б поела, Паш. – Ольга присела на старый диван рядом с сестрой, погладила осторожно по плечу. – Я супа наварила, ребятишки вон похлебали уже. Паш. Ну нельзя же так, Анютка постоянно про тебя спрашивает. Паш, у меня ж своих бесенят трое, не справлюсь я с ними, вставать надо, Паша.

Прасковья лежала лицом к стене. На стене были старые обои и по ним ползла жирная муха. «А вот тут завиток, а она не по завитку ползёт. – Думала Прасковья. – Не дело ж не по завитку идти, а муха-то вон, жирная какая.»

– Паша. Похороны ж завтра. Паш. Надо идти, попрощаться надо.

Обои пожелтели, цветы истёрлись спинкой дивана и муха ползала по этим едва заметным линиям, не соблюдая правил дорожного движения.

Прасковья вспомнила, как Колька привёз из города целый мешок этих обоев, ездил в командировку, увидел дешёвые и набрал, будто на всю деревню. Ох и ругалась тогда на него Прасковья, наотрез отказавшись клеить это чудо в новом доме. Отдали старшей сестре, помогли сделать ремонт. Ребяшня ликовала и лезла помогать, Ольга на них ругалась для виду, а сама сияла, как пятак. И что она тогда разошлась на мужа? Сдались ей эти обои..

И Прасковья затряслась, заревела белугой, слезами вымывая из себя горе.

На похороны собралась вся деревня. Мужики курили кучками и вздыхали, бабы причитали по положенному обычаю над закрытым гробом.

Анютка, насупившись, молча сидела рядом с чёрной, высохшей матерью, изредка вытирая кулачком набежавшую слезу. Прасковья же не проронила ни слезинки. Досуха выплакала она их накануне и теперь боялась на людях дать себе слабину, только крепко сжимала маленькую анюткину ладошку.

Кладбище встретило приветливым покоем, опьяняющим ароматом разнотравья и тихим шелестом берёзок у могил. Люди прощались с Колькой, говорили нехитрые свои душевные слова, кидали землю, ровняли аккуратную могилку, поминали доброй порцией самогона. А Прасковья молча стояла в сторонке, разглядывая, как неспешно ползёт по стебельку лютика деловитый муравей, бежит по делам своим толстый жук, как гусеница неторопливо и обстоятельно украшает ажурной вязью лист одуванчика. Помянув, народ разошелся по домам, Ольга увела зевающую Анютку, а Прасковья долго ещё лежала на свежей, холодной глине.

Осенью Анютка пошла в первый класс. Прасковья оформила отгул, нарядила дочку в новенькую форму, повязала банты и, аккуратно держа за руку, отвела к школе. Аня шла к крыльцу, прямо держа спину, но поминутно оглядывалась на мать и старалась не дать себе зареветь. Прасковья стояла у школьных ворот и тревожно следила за худенькой фигуркой с огромными бантами, шепча молитву и мелко крестя ее вслед.

– Да мы за ней присмотрим, тетя Паш, – выкрикнул Санька – старший ольгин сын, рыжий, вихрастый, конопатый. Настоящий ураган и заводила.

Прасковья еще раз перекрестила дочку, шаловливых племянников, здание школы и неспешно двинулась к дому.

– Здравствуй, Паша. – Посреди улицы, прижав к себе испуганного парнишку, стояла Ирина.

– Здравствуй. Вернулась, значит?

– Вернулась. Вот в магазин устроилась. Пашку в школу определила. Ты как поживаешь? Как Коля? – Голос её невольно дрогнул и она быстро спрятала глаза.

– Коля умер..– Прасковья почувствовала, как снова начинает кружиться голова и темнеет в глазах. Но взяла себя в руки. Не хватало ещё сейчас тут упасть, прямо перед бывшей соперницей.

Ирина вскинула глаза на Прасковью с ужасом и немым вопросом.

– К-как?..

– В пожаре погиб. – Отрезала Прасковья и тяжело прошелестела мимо, из последних сил держа высоко голову.

Дни покатались, как сухие камни из ведра в ведро. Прасковья с Ольгой вставали затемно. Ольга убирала в хлеву, доила корову, пока Прасковья варила скотине картошку в огромной грязной кастрюле, готовила ребятам нехитрый завтрак.

В обед Ольга прибегала домой, проведать ребятшек. Приносила ароматный, ещё горячий хлеб. От запаха вело в голове и урчало в животах. Ольга наспех кормила ребятню супом, целовала каждого в лоб и снова бежала в пекарню на смену.

Без взрослых дома верховодил Санька: отводил младшего в сад, старших в школу, следил, чтоб уроки были выполнены, пол подметён. Всей ватагой они носили дрова в баню, кормили пахучим холодным сеном корову Маньку, а разобравшись с домашними хлопотами, носились по улице с другими деревенскими детьми, пока их матери пластались на работе, дабы справиться к Новому году пряников и мятных конфет.

Анютка за лето вытянулась, на голову переросла уже 9-летнего брата. Ольга выудила для неё из чулана свою старенькую цигейковую шубку и модную когда-то огромную меховую шапку. Одежду погорельцам собирали всей деревней, перетряса́ли мешки на чердаках, выуживая растянутые свитера и штаны с потёртыми коленками. А вот куртки зимней для Анютки не нашлось. Так и бегала она за братьями в ольгиной шубе, путалась в её длинных поло́х, запинаясь и падала, хохоча и поправляя сползшую на глаза шапку снежными варежками.

День выдался морозный, безветренный. Солнце после долгого изнуряющего карантина ярко разгоралось на хрустящем небе, отражалось в миллиардах снежинок и весело слепило глаза. Санька скомандовал устроить лыжную прогулку. Помог закрепить лыжи Вовке, младшему брату, ловко подтолкнул в крепления анюткины ноги в безразмерных валенках и они втроём весело двинулись вдоль улицы.

Шебутные парни умчали далеко вперёд, пока Анютка, завёрнутая в большую тёткину шубу, еле переставляла ноги. В конце концов, запутавшись в длинных полах и потеряв равновесие, она рухнула прямо в сугроб. Долго барахталась, пытаясь развернуть неудобные лыжи, когда почувствовала, как кто-то тянет её за рукав. Мальчишка в шапке-ушанке и старенькой куртке разглядывал заснеженную Анютку с пристальным до неприличия любопытством, пока та отряхивалась от снега.

– Чего глядишь, ушастый? Ты кто? – Анютке досадно было так опростоволоситься перед незнакомым мальчиком, будто она неумеха какая неповоротливая.

– Пашка.

– Чей ты, Пашка? Что-то я тебя не видела раньше тут. К бабке в гости приехал?

– Нет, мы тут с мамкой живём, – парнишка шмыгнул и повёл рукой на слепые оконца старой избёнки. – А бабка моя умерла. И деда умер. Мамка в магазине работает.

– А я не хожу в магазин, у нас денег нет. А ты почему в школу тогда не ходишь?

– Хожу, – вздохнул парнишка. – Только болел я долго, дома сидел.

– С мамкой?

– Почему с мамкой? Мамка работает. Я и сам уже взрослый. – Удивился Пашка. – Я и картоху сварить сам могу, и дом подмести. Мамка говорит, один я у неё в доме мужчина, помогать должен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.